

А. Я. Тарасюк

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕШЕНИЕ «ЖЕНСКОГО ВОПРОСА» В ЗАУРАЛЬЕ (1917–1929 гг.)

У интеллигенции в отношении решения «женского вопроса» в дореволюционной России не было единства. Сам факт наличия среди работников интеллектуального труда женщин долгое время оценивался весьма неоднозначно. Выдающийся русский писатель Л.Н.Толстой высказывался резко против повышения уровня и качества женского образования. «Сам граф поведал миру новость о том, что женщина должна в болезнях рожать чад (родится детей и так достаточно, очень жаль, что смертность между ними велика, должно быть этому способствует чрезмерное образование наших матерей) и высказывался вместе с известной частью прессы против высшего женского образования»¹.

Русская философская мысль рубежа XIX–XX вв. была пронизана женофобией, построена на логическом противопоставлении, в основе которого лежит принцип иерархического дуализма. Мир воспринимался как оппозиция двух неравнозначных и неравноправных величин, находящихся между собой в отношении постоянного конфликта: дух и материя, разум и чувства, мужчина и женщина. Русская религиозная философия отвергала мысль о возможности эмансипации. Согласно Н.Федорову: «Женщина и так обладает слишком большей властью, если бы она сделалась участницей жизни юридической и экономической – тогда можно было сказать, что конец близок». Такое уничижительное отношение к конкретной женщине сочеталось с поклонением перед «Русью-матушкой», воплощенном в образе Девы Марии. Если учесть, насколько сильное влияние оказывала религиозная философия на развитие общественной мысли, можно предположить, что подобные взгляды сказывались на формировании ментальных установок, особенно в сочетании с патриархальными традициями.

Несмотря на явное сопротивление со стороны некоторых представителей интеллигенции, остановить начавшееся в России женское движение было невозможно, так как развитие эмансипационного процесса связывалось с необходимостью массового вовлечения женщин в производство. Составляя более половины населения страны, женщины представляли интерес для большинства российских политических партий, но лишь представители РКП (б) занимались анализом перспектив решения «женского вопроса». Активное участие в разработке теории женского движе-

¹ Сибирская газета. Томск. 1887. 11 янв. С. 62–63.

А. М. Коллонтай

ния в рамках социалистической революции принимали А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, Н. К. Крупская.

Самыми угнетенными слоями большевики считали работниц и крестьянок. Интеллигентки, по их мнению, были при царизме в более привилегированном положении. Изучение статистических данных по учительским кадрам позволяет сделать вывод о том, что женщины, принадлежащие к этой, безусловно, уважаемой профессии, были в социальном отношении столь же бесправны, как и представительницы рабочей и крестьянской среды. Советское руководство стремилось оттеснить женщин из среды интеллигенции от деятельности в общественных организациях еще и потому, что они являлись носителями старой идеологии в отношении семьи, брака, воспитания детей, часто не понимали необходимости радикальных нововведений.

Будущий краевед и архивист города Тобольска Т. Д. Рожкова, которая в 1917 г. находилась в Киеве и обучалась в женской гимназии, воспри-

няла революционные события следующим образом: «Большевики хотят захватить власть в свои руки... раньше в кремле бунтовали стрельцы, а теперь большевики»². В дневниковых записях тогда совсем еще юной девушки можно найти ответ на вопрос об отношении ее ближайшего окружения ко всему происходящему в стране. Прослеживается явная антипатия к представителям новой власти и страх перед большевизмом, которые объяснялись бытовавшим в обществе в тот период мнением о причастности к октябрьскому перевороту германского руководства и самого Вильгельма II. Из записей Т. Д. Рожковой следует, что женщины из ее среды вовсе не стремились к общественной деятельности: «Сегодня, 22 июля 1919 г., у нас в гимназии были выборы делегатов по требованию правительства... Сначала выбрали представительницу от каждого класса, а от всего учебного заведения выбрали делегатку Парфененко, хотя она упорно отказывалась». Большинство представительниц умственного труда в городах не стремилось высказывать активной гражданской позиции не только ввиду опасений по отношению к новой власти, но и из-за нерешенности бытовых проблем, послереволюционной разрухи и угрозы голода.

Тяжелым было положение сельской интеллигенции. Женщины составляли большинство (женщин было в 1,5 раза больше, чем мужчин), особенно среди представителей «гуманитарного профиля» — учителей, культпросветорганизаторов. Статистические данные по учительским кадрам в первое десятилетие советской власти указывали на то, что, по меньшей мере, 60% сельских учителей нищенствовало, 15% учителей имело приусадебные участки,

² ГУТО ГАТ. Ф. 1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 91.

а 25% получало материальную помощь от родственников, у которых было крестьянское хозяйство. В 1926 г. учительство в РСФСР имело 47% от довоенного заработка, в то время как металлисты – 76%, а работники пищевой промышленности более 100%. При этом профессия учителя для сельских детей была второй по притягательности (после сапожника)³.

Семья формирует основы поведения будущего гражданина, но не менее важно в этом вопросе и школьное воспитание. Тяжелейшее материальное положение учителей усложняло их работу, что не могло не сказаться на профессиональных показателях. Вместо того чтобы уделять время решению воспитательных задач, многие учителя вынуждены были заниматься поиском «хлеба насущного». Об уровне доходов сельских педагогов, подавляющее большинство которых составляли женщины, позволяют судить данные о среднегодовой заработной плате (см. табл. 1).

Таблица 1

Год	Среднегодовая зарплата, руб./мес.	Цена за 1 пуд ржи, руб.	Зарплата в пудах ржи
1913	30	0,95	31,6
1920	3.230	10.000	0,3
1923	440	60	7,3
1924	23	1,4	16,4
1925	31	1,5	20,6
1926	35	1,83	19,1

Сопоставив цифровой материал, нетрудно прийти к выводу, что положение учителей было наиболее тяжелым в 1920 г. По времени оно совпадало с голодом и крестьянскими волнениями. Интересным является тот факт, что исходя из обследований интересов девочек-школьниц, проводимых в первой половине 1920-х гг., на учительницу хотели быть похожими 34,4% опрошенных (для сравнения – на маму хотели походить 5,2% девочек). Свой выбор они мотивировали по-детски искренне: «потому, что она красивая, вежливая, умная, добрая и хорошо учит». Значит, несмотря на собственное тяжелое положение, сельские учителя не забывали о главной своей задаче – воспитании нового поколения.

Анализ женского преподавательского контингента особенно важен в контексте изучения положения интеллигенции в советском государстве. Данные Тюменского окружного профсоюза работников просвещения позволяют судить о том, что именно через подобные, в основной массе «женские» организации, большевистская партия стремилась высказывать свою точку зрения на вопрос эмансипации. На всех общегородских конференциях работников просвещения середины 1920-х гг. обязательно присутствовали представительницы местного женотдела. Среди учительских кадров и в городах, и в деревнях преобладали женщины, получив-

Таблица составлена по материалам книги А. М. Большакова. Деревня. 1917–1927. М., 1927. С. 229.

³ Ибрагимов Д. Х. Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 57–58.

шие среднее педагогическое образование. Многие из них были дочерьми священнослужителей и одновременно проявляли открытую лояльность к новой власти. Антонина Николаевна Вознесенская, девица 22 лет, прибывшая в Тюмень в 1924 г., зарабатывала на жизнь учительским трудом. Она не была членом РКП (б), но в отношении партийных мероприятий высказывала следующие мысли: «Советская власть вполне оправдывает свою задачу – быть защитой трудящегося народа, рабочих и крестьян. НЭП – временная мера для подъема благосостояния». Особой яркостью отличаются эпитеты, найденные дочерью священника в отношении

К. Петров-Водкин.
Объяснение

религии (подобные вопросы были стандартными): «Религия отживает свое, она тормоз к развитию и не должна заслонять своей мертвечиной настоящую жизнь»⁴. Трудно судить о том, насколько искренними были эти слова молодой учительницы, однако данные, касающиеся ее судьбы, указывают на то, что она не поддерживала никаких отношений со своими родственниками, оставшимися во Владимирской губернии. Революция и гражданская война изменили уклад жизни многих семей. В условиях разрушения старых ориентиров молодое поколение было более гибким в вопросах приспособления к новым реалиям времени. Демонстрация лояльности педагогов была главным залогом приема на работу. Многие анкетные ответы звучат шаблонно, и вызывает сомнение реальное отношение учителей к событиям, происходившим в стране.

Данные по профсоюзу работников просвещения, большинство членов которого составляли женщины, позволяют составить представление об образовательном уровне педагогов, их стаже и многих других факторах. Высшее образование (из пятисот человек) было только у 30-летней учительницы Сапожниковой, она окончила Высшие сельскохозяйственные курсы. Большинство женщин, занимавшихся педагогической деятельностью, были беспартийными. Преподаватели средне-специальных учебных заведений, чей образовательный уровень был значительно выше, к партии большевиков также относились осторожно. Среди сотрудников Тюменского сельскохозяйственного техникума (в 1924 г.) было несколько женщин. Мария Константиновна Богиева, 1884 г. рождения, получила образование еще до революции, окончила физико-математический факультет Петербургского университета. Она была единственной женщиной-преподавателем Тюменского сельскохозяйственного техникума с высшим образованием. В анкете, которую она заполняла, как и другие сотрудники, в графе «партийность» стоял пропуск. Анфиса Ильи-

⁴ ГУ ГАТО. Ф. 84.
Оп. 2. Д. 232. Л. 5.

нична Тлуховцева была намного моложе (на момент опроса ей исполнилось 22 года), будучи выпускницей техникума, осталась работать в нем после окончания. Следует заметить, что в основном преподавательский контингент был мужским, остальные женщины, состоявшие в штате, выполняли обязанности обслуживающего персонала (поварихи, уборщицы). В Тюменском медицинском техникуме также работало несколько женщин. Мария Николаевна Корнацевич, 1899 г. рождения, выполняла обязанности «лектора-преподавателя» биологии, окончив уже после революции физико-математический факультет Петроградского университета. В партии не состояла, в Тюмень приехала вместе с мужем. В этом же учебном заведении в качестве библиотекаря работала Евгения Николаевна Мартэл, 39 лет, жена Павла Августовича Мартэла, заведующего Тюменским промышленно-экономическим техникумом, образование она получила в женской гимназии и, как большинство женщин-преподавателей, была беспартийной. К 1927–1928 учебному году среди 17 преподавателей Тюменского медицинского техникума было 6 женщин, стаж работы которых составлял от 2 до 9 лет. В штате педагогического техникума к лету 1924 г. среди 26 преподавателей было 9 женщин.

Статистические данные, охватывающие сотрудников двух учебных заведений Тюмени, позволяют судить о профессиональной, образовательной и, частично, общественно-политической ориентации женщин из среды интеллигенции. Материалы анкет указывают на то, что абсолютное большинство женщин-преподавателей было беспартийным. Сравнение возрастных показателей позволяет судить о том, что педагогический состав в Тюменском медицинском техникуме в сравнении с Тюменским педагогическим техникумом был моложе. За 3–4 года, прошедших между проводимыми обследованиями (1924 и 1927–1928 гг.), в Тюмень было направлено много молодых специалистов, в том числе с высшим образованием. В архивных документах, связанных с Тюменским медицинским техникумом, особое внимание уделяется появлению среди педагогов представителей «татарской национальности», так как этот период характеризовался «борьбой с проявлениями бытового национализма»⁵.

Поскольку основой партийной линии в вопросе женского раскрепощения оставалось повышение образовательного и профессионального уровня, проводился учет женского представительства в целом ряде сфер экономики и хозяйства. По данным переписи населения 1926 г. на территории Уральской области было всего 60 женщин – академиков, профессоров и остепененных преподавателей (234 мужчины с аналогичными данными). Среди врачей в целом по области было 645 женщин и 755 мужчин. Среди служащих было 92 женщины и 1195 мужчин. На уровне округов и уездов женщин руководителей было 5 человек, на уровне области – всего одна⁶.

⁵ ГУ ГАТО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

⁶ Всесоюзная перепись населения. 1926. По Уральской области. Отдел II. Занятия. М., 1926. С. 370.

Руководство было заинтересовано в подготовке новой советской интеллигенции. Существовала разнарядка на то, представителей каких сословий следует принимать в учебные заведения в первую очередь. В вопросе зачисления должен был соблюдаться принцип равных возможностей для детей рабочих и крестьян, доля поступающих из числа служащих резко сокра-

*Б. Иогансон.
Рабфак идет*

щалась, за счет чего увеличивались показатели первых двух категорий, а также категории детей-сирот. Остальные сословия, видимо, как социально чуждые, не имели права на получение образования. Аналогичной была ситуация и в высшей школе. Попасты в вуз девушке из пролетарской среды было достаточно просто. Вступительные экзамены не имели решающего значения, поскольку на первых порах рабоче-крестьянскую молодежь принимали даже с неудовлетворительными оценками. В сентябре 1920 г. появились рабфаки, предназначенные для подготовки пролетарской молодежи к поступлению в вуз, рабфаковцев принимали без экзаменов и классовой проверки. Однако привилегии при поступлении в институты получала только «идеологически выдержанная молодежь», с представителей

«чуждых классов» спрашивали со всей строгостью. До революции получить высшее образование могли лишь женщины из высшего сословия, после революции акценты сместились, теперь привилегированными классами стали пролетариат и крестьянство.

Неудивительно, что большинство представителей так называемой старой интеллигенции воспринимали лозунги и призывы советского руководства в области раскрепощения женщин как простую демагогию. Общая апатия и нежелание участвовать в социальной жизни были характерны для того периода. Полная неразбериха во властных структурах, продолжающиеся империалистическая и гражданская войны, разруха, голод – все это заставляло людей замкнуться в своем узком хозяйственном мире. Не стоит сбрасывать со счетов уже укоренившуюся к тому моменту в сознании образованных людей модель отношения с окружающим миром. Для нее было характерно, с одной стороны, чувство вины и ответственности за судьбы соотечественников, а с другой, – пассивное желание убежать из общества, в недрах которого русский человек чувствует себя бессильным.

Мотив бегства от действительности очень часто встречается в воспоминаниях того периода, особенно у тех людей, чье дореволюционное положение было достаточно прочным. «Мне кажется, что будущее у нас незавидное, не даст оно покоя, а даст большевистский, красный, грубый, на словах только хороший террор... Надеюсь, в новом дневнике мне не придется больше писать о стрельбе, голоде, грабежах... Дай-то Бог»⁷! Эти слова относятся к 1920 г., со временем тон дневниковых записей меняется, а к середине 1920-х гг., с введением и развитием нэпа, чувствуется одобрение государственной политики, в последующем полное ее приятие. Не приходится удивляться такому изменению взглядов. Человек не может нормально существовать вне общества, он может пытаться что-либо изменить или же должен приспособиться, смириться с окружающей его действительностью.

К середине 1920-х гг. угроза военных действий перестала довлеть над людьми, пусть медленно, но начинала налаживаться экономическая жизнь страны. К этому времени также был разработан ряд правительственных мероприятий, касающихся изменения положения трудящихся женщин к лучшему. Активная деятельность женотделов становится наиболее заметной. Революционная действительность рождала совершенно новые концепции создания современного человека и гражданина, а женщина являлась в руках власти своеобразным инструментом, используемым для достижения поставленной цели. Именно поэтому первое послереволюционное десятилетие отмечено не только неприятием со стороны женщин «непролетарского происхождения» новой власти, но и явным оттеснением их от участия в общественных организациях и управлении. К концу 1920-х гг. в СССР была создана так называемая прослойка «новой советской интеллигенции». Это молодое поколение, воспитанное на идеалах большевизма и получившее высшее образование, было востребовано. «Новая жизнь предъявила школе новые требования. Она должна создавать не пассивного наблюдателя текущей жизни, а борца за идеалы трудящихся» — эти слова принадлежат учительнице Т. Ромадиной, крестьянке по происхождению, получившей образование уже после революционных событий. Постепенно представители «старой интеллигенции» вытеснялись из общественных организаций во всех сферах. Молодое поколение, пришедшее им на смену в конце 1920-х гг., не испытывало особых затруднений в расстановке приоритетов и демонстрировало убежденную поддержку всех начинаний руководства, по мнению которого «женский вопрос» в СССР в 1929 г. был решен. Последующие события показали, что эмансипация «по-советски» была процессом односторонним, оставляющим за бортом социальных преобразований основную массу женщин, не принявших идеи активизации общественной жизни, стремящихся к традиционному укладу.

⁷ ГУТО ГАТ. Ф. 1847.
Оп. 1. Д. 57. Л. 92.